

порь м'шало имь «признать» Государя, и изъ состо-
яния пассивного подданства перейти въ состояние ак-
тивного вѣроподданства. Въ этомъ есть и положи-
тельная сторона. Это то, что раньше называлось
«крѣпкой душой». Когда всензлѣчивающій врачъ —

время, ихъ исцѣлить, когда они додумаютъ свою ду-
му до конца, — то они твердо будутъ стоять на пу-
ти царской службы и съ него ихъ уже ничѣмъ не-
льзя будетъ сбить.

Я. Н. Горбовъ.

Эволюція фашизма

I.

Въ июль 1926 года въ нью-йоркской газетѣ
«Review of Reviews» появилась статья, посвящен-
ная итальянскому фашизму, въ которой говорилось
слѣдующее: «Вы не можете долго оставаться въ
любой еропейской странѣ безъ ощущенія, что,
при анализѣ международнаго положенія, по сравне-
нью съ итальянской проблемой, всѣ другія про-
блемы не имѣютъ существеннаго значенія. Вопросъ,
который вся Европа ставитъ себѣ со все возраста-
ющей тревогой, гласитъ: «Куда идетъ Муссоли-
ни?» Дѣйствительно, если здраво судить о собы-
тияхъ, то можно замѣтить, какъ фашизмъ изъ фа-
зы национальной переходитъ въ фазу интернаци-
ональную. Нужно отмѣтить, что фашистскій методъ,
который имѣлъ успѣхъ въ Италіи, становится все
болѣе и болѣе привлекательнымъ для народовъ,
страдающихъ отъ тѣхъ же золь, которыя уничто-
жены въ Италіи, благодаря фашизму, и не видя-
щихъ никакого другого способа избавиться отъ
всѣхъ золь современной демократической систе-
мы. Вотъ тѣ причины, которыя дѣлаютъ фашизмъ
въ данный моментъ самымъ интереснымъ и значи-
тельнымъ явленіемъ въ Европѣ».

Въ интересной книгѣ «L'Italie fasciste ou
l'autre danger» Людовикъ Нодо опредѣляетъ фа-
шизмъ прежде всего, какъ «результатъ итальян-
ской рождаемости». «Онъ выражаетъ», говоритъ
онъ, «гнѣвъ и чрезмѣрно преувѣличенныя притязанія
слишкомъ многочисленной, но бѣдной націи,
имѣющей огромное число молодыхъ людей,
желающихъ сдѣлать карьеру и захватить добычу...
Фашистскія притязанія являются прежде всего тре-
бованіями перенаселенной страны, обѣятой горяч-
кой честолюбивой, чрезмѣрно возбужденной, которую
толкаетъ къ дѣйствию то, что Прудонъ назвалъ
«науцеризмомъ»... Все сейчасъ происходитъ въ Италіи
такъ, словно она готовится къ большой войнѣ,
предвидя ея наступленіе въ 1932 году».

«Фашизмъ, основанный на культѣ силы», гово-
ритъ онъ далѣе, «является опасностью для сосѣд-
ныхъ демократій. Чѣмъ больше онъ дисциплини-
руетъ Италію, тѣмъ болше это происходитъ во
враждебномъ ко всему иностранному направленіи.
Въ случаѣ распространенія фашизма на всю Европу,
это означало бы порабощеніе всей западной ци-
визаціи самымъ фантастическимъ націонализмомъ
и принесло бы Европу въ жертву безудержному
милитаризму».

Дѣйствительно, фашизмъ провозгласилъ, что
нація — выше всего, что она есть Абсолютъ, что
нѣтъ никакихъ нормъ, даже нравственныхъ и ре-
лигиозныхъ, выше ея стоящихъ, и что, поэтому доб-
ромъ является все, что служитъ интересамъ націи
и наоборотъ. Одинъ изъ самыхъ видныхъ идеоло-
говъ фашизма, профессоръ Джованни Джентиле,
въ своей книгѣ, «*Chi cosa è il fascismo*» («Что та-
кое фашизмъ?») говоритъ: «Фашизмъ—это религія,
объектъ которой нація». Исходя изъ этого, онъ
полемизируетъ противъ формулы Мациани: «Богъ
и народъ». «Мациани ставилъ абсолютную цѣн-
ность идеальныхъ народныхъ правъ и притязаній»,
говоритъ онъ, «въ зависимость отъ нѣкоего рели-
гиознаго повѣія, именно исходя изъ взгляда на

народъ, такъ на живое откровеніе Бога. Фашист-
ская же концепція національнаго государства, воз-
вышающагося надъ классами, группами и личностями,
не является утилитарнымъ взглядомъ на него,
какъ на средство къ достиженію другихъ цѣлей,
которымъ государство якобы должно служить: фа-
шизмъ смотритъ на государство, какъ на нѣчто аб-
солютное, имѣющее цѣль въ самомъ себѣ, а пото-
му божественное».

Мы видимъ тутъ удивительное сходство съ ос-
новами коммунистической морали, поставившей
критеріемъ добра и зла лишь соответствіе того
или иного дѣйствія съ интересами пролетаріата,
какъ класса. Только вмѣсто послѣдняго фашизмъ
поставилъ націю. Для полноты сходаства отмѣтимъ,
что фашистскіе писатели любятъ, сравнивая ита-
льнянскій народъ съ другими народами, называть его
«народомъ - пролетаріемъ», на долю котораго вы-
пала мессіанская роль. «Бѣлкая пролетарская на-
ція» (это выраженіе было выдвинуто самими ита-
льнянами), говоритъ Луи Роя въ своей «Исторіи Му-
солини», «отказываясь внутри своей страны отъ
классовой борьбы, стремится произвести револю-
цію не на собственной своей территоріи, но во
всемъ мірѣ за счетъ тѣхъ народовъ, которыхъ она
считаетъ слишкомъ широко надѣленными богат-
ствомъ и землей».

Но, такъ какъ интересы различныхъ націй не-
минуемо сталкиваются, то, разумеется, нѣтъ и не
можетъ быть никакихъ общихъ, обязательныхъ для
всѣхъ народовъ, требованій нравственности — у
каждаго народа своя мораль — и война между от-
дельными націями въ самомъ принципѣ становитъ
неизбѣжной. Отсюда то чувство ненависти къ
чужеземцамъ, которое нерѣдко поражаетъ иностран-
цевъ при ихъ посѣщеніи фашистской Италіи. Донъ
Луиджи Стурца, глава католической народнои пар-
тіи и политическій противникъ Муссолини, въ сво-
ей книгѣ «Италія и фашизмъ», описывая фашистскія
манifestаціи, говоритъ: «Рѣчи полны угрозами,
ругательствами, замена, развернутыя на улицахъ,
украшены символами, говорящими о смерти и крови.
Маленькія дѣти, принадлежащіе къ фашистскому
дѣтскому союзу «Баллала», распеваютъ пѣсни,
полныя ненависти и призывовъ къ мести».

Что касается отношенія фашизма къ религіи, то
еще въ первые годы его существованія, именно въ
сентябрѣ 1919 года, Муссолини въ своей миланской
рѣчи совершенно откровенно высказывалъ свое от-
рицательное къ ней отношеніе: «Я бы желалъ ви-
дѣть», говорилъ онъ, «народъ язычскій, жаждущій
борьбы, жизни, прогресса, не вѣрующій стѣло въ
истины такъ называемаго «откровенія» и съ пре-
зрѣніемъ относящійся ко всякимъ чудотворнымъ
панaceaмъ».

А вотъ отрывки изъ такъ называемаго «фаши-
стскаго катехизиса», который преподается итальян-
скимъ дѣтямъ въ фашистскихъ дѣтскихъ органи-
заціяхъ «Баллала» и противъ котораго Католиче-
ская Церковь, въ лицѣ одного изъ итальянскихъ
епископовъ, въ свое время заявила протестъ:

Вопросъ: Что означаетъ выраженіе «быть фа-
шистомъ?»

Отвѣтъ: Это означаетъ — соблюдать заповѣ-
ди, уставы и таинства Италіи.

Вопрос: Какую культъ фашизма?
Отвѣтъ: Это — культъ, проповѣданный апостолами Италіи и фашизма.

Вотъ «десять заповѣдей» фашизма.

1) Я — Италія, твоя мать, твоя владычица и твоя богиня.

2) Ты не долженъ имѣть другой матери, другой владычицы, другой богини, выше меня и т. д.

Вотъ, наконецъ, «символь вѣры» фашизма.

1) Вѣрую въ вѣчный Римъ, мать моей страны.

2) И въ Италію, ея первородную дочь,

3) Зачатую въ ея дѣвическомъ чревѣ по благодати Божьей,

4) Страдающую отъ нашествія варваровъ, распятую, принесенную въ жертву и погребенную,

5) Сошедшую во гробъ и воскресшую изъ мертвыхъ въ XIX вѣкѣ,

6) Восшедшую на небеса со славой въ 1918 и 1922 годахъ (походъ на Римъ),

7) Сидящую одесную своей матери, Рима.

8) Грядущую судить живыхъ и мертвыхъ.

9) Вѣрую въ гений Муссолини,

10) И въ святого отца нашего, фашизмъ, и въ обіеніе мучениковъ,

11) Вѣрую въ обращеніе всѣхъ итальянцевъ,

12) И въ воскресеніе Имперіи. Аминь.

Нельзя, кажется, болѣе рѣзко подчеркнуть расхождение фашистской доктрины съ христіанской: фашизмъ съ этой стороны показываетъ (не въ столь сильной степени, конечно, какъ коммунизмъ) тотъ же антихристовъ духъ, который всюду разлитъ въ мірѣ, являясь какъ бы воскресеніемъ того культа древне-римской имперіи, которому въ свое время приписались въ жертву христіанскіе мученики.

Тѣмъ болѣе удивительнымъ является, что именно фашизму удалось столь успешно, путемъ соглашенія съ Ватиканомъ, разрѣшить мучившую каждую вѣрующую итальянца римскую проблему, на что не было способно ни одно изъ прежнихъ итальянскихъ правительствъ.

II.

«И въ воскресеніе Имперіи. Аминь». Дѣйствительно, воскресеніе Римской Имперіи является неразрывной идеей фашизма: ея объясненіе колоссальные расходы на раскопки и реставрацію древнихъ памятниковъ и культъ всего, что такъ или иначе связано съ величіемъ Рима.

И вотъ, въ поискахъ того фактора, который можетъ оказать наибольшую услугу въ этомъ отношеніи, фашизмъ естественно не могъ обойти такого величайшаго явленія, какъ Римско-Католическая Церковь, которая въ лицѣ папства въ теченіе столѣтій вѣковъ является носительницей столь дорогихъ фашизму римскихъ имперскихъ традицій.

Еще въ своей рѣчи въ парламентѣ 21-го іюня 1921 года (т. е. до похода на Римъ) Муссолини говорилъ: «Я утверждаю, что въ настоящее время латинская и имперская традиція Рима представляется католичествомъ. Универсальная идея Рима исходить теперь изъ Ватикана. Распространеніе католицизма по всему свѣту, сотни миллионныя вѣрующіе, которые обращаются ко всѣмъ точкамъ земного шара свои взоры къ римскому папству служатъ предметомъ гордости всѣхъ итальянцевъ. Поэтому Италія, даже свѣтская, должна будетъ, какъ только папа откажется отъ своихъ притязаній на свѣтское владычество, — предоставить Ватикану всѣ необходимыя матеріальныя ресурсы въ той же мѣрѣ, какъ ими обладаетъ любая свѣтская власть».

Въ этихъ словахъ какъ бы предначертанъ весь будущій конкордатъ, и въ нихъ мы находимъ и

ключъ ко всей проблемѣ. Добившись государственной власти, фашизмъ пойдетъ еще дальше по этому пути. Устами уже цитированнаго мною профессора Джентиле, министра народнаго просвѣщенія въ первомъ кабинетѣ Муссолини, фашизмъ заявляетъ: «Государство, не интересуемое религіей, не заслуживаетъ названія государства. Современное итальянское государство не хочетъ быть атеистическимъ. Ибо, если государство дѣйствительно есть выявленіе національнаго сознанія, если оно строитъ будущее, основываясь на своемъ историческомъ прошломъ, — оно можетъ принять для Италіи только католическую религію, такъ какъ итальянскій народъ всегда былъ вѣренъ католицизму».

Конечно, поддерживая католицизмъ въ Италіи, фашизмъ имѣетъ въ виду прежде всего собственные свои интересы, что видно изъ словъ того же Джентиле: «Фашизмъ, сознающій необходимость религіозной жизни духа, хочетъ вернуться къ древнему, еще живому стволу исторической религіи, которая отъ этой прививки оживетъ, дастъ новые ростки и заселяетъ новую ливстой».

Но, ставъ на имперскую точку зрѣнія, провозгласивъ своею дѣлюю воскресеніе Римской Имперіи, фашизмъ не могъ уже болѣе оставаться на прежней, узко-националистической, «этнической», позиціи, при которой каждая нація является самодовлѣющимъ, абсолютнымъ организмомъ, обладающимъ своими собственными нравственными нормами: имперская идея предполагаетъ сотрудничество различныхъ націй и подчиненіе ихъ частнымъ национализмамъ обще-имперскому служению, подобно тому какъ въ древнемъ Римѣ право римскаго гражданства распространялось на всѣхъ подданныхъ имперіи, независимо отъ ихъ племеннаго происхожденія. «Civis Romanus sum» — съ гордостью провозносилъ всѣ граждане входившіе въ составъ «Римскаго міра» (Orbis Romanus), къ какому бы царю они ни принадлежали.

«Италія, какъ государство, можетъ существовать только имѣя имперскую миссію», заявилъ въ мартѣ 1926 года министръ юстиціи Рокко, — «за это послѣдняя не можетъ быть иной, какъ только римской и католической. Фашизмъ — это воспріятіе Италіей вновь своей цивилизаторской миссіи въ мірѣ».

Съ этимъ совпадаетъ призывъ молодого итальянскаго писателя, Асверо Гравелли, основавшаго въ прошломъ году новый органъ подъ заглавіемъ «Анти-Европа». Онъ видитъ для Европы, погрязшей въ лѣтну ю коммунизма и демократіи, которые неизбежно ведутъ ее къ духовному вырожденію, спасеніе лишь въ фашизмѣ, въ томъ фашизмѣ, который, по его словамъ, «продолжаетъ традиціи римскаго духа, объединяющаго и цивилизующаго... Истинная традиція духовнаго единства Европы есть римская, латинская традиція, связанная съ католицизмомъ».

Какъ далеки эти мысли отъ выкриковъ о «великой пролетарской націи», отъ всѣхъ призывовъ къ національной ненависти, къ войнѣ съ сосѣдями. Подлинно приходится констатировать наличие двухъ, или даже нѣсколькихъ фашизмовъ, часто во многомъ другъ другу прямо противоположныхъ. Муссолини какъ бы совмѣщаетъ въ себѣ эти взаимно другъ друга исключающіе аспекты фашизма и своею личностью какъ бы примиряетъ и сдерживаетъ противоположныя начала, проявляя тѣмъ свой поистинѣ государственный умъ.

Конкордатъ съ Ватиканомъ безусловно усилилъ въ фашизмѣ имперскія, римскія тенденціи, и съ этой стороны вліяніе его на фашизмъ нельзя не признать благотворнымъ. Хотя Муссолини пододѣлъ къ католицизму исключительность съ точки зрѣнія государственной, а не съ точки зрѣнія религіозной, христіанской, которой фашизмъ, какъ мы ви-

дѣли, по основѣ своей совершенно чужды, — тѣмъ не менѣе христіанизующее вліяніе Католической Церкви не могло на немъ не сказаться, и оно скъзывается все болѣе и болѣе.

Правда, вскорѣ послѣ заключенія конкордата, Муссолини въ публичной рѣчи заявилъ, что только благодаря Риму христіанская религія сдѣлалась провинціальной палестинскаго захолустья, а папа, въ отвѣтъ на смущеніе вѣрующаго, вызванное этими словами сказалъ, что для блага Церкви онъ готовъ былъ заключить конкордатъ съ самимъ дьяволомъ, — тѣмъ не менѣе отношенія между обѣими сторонами налаживаются и вліяніе Церкви на народъ растетъ. Въ лицѣ Католической Церкви Муссолини нашелъ сильнаго союзника, однако такого, съ которымъ ему самому приходится считаться.

Съ другой стороны, въ самомъ римскомъ католицизмѣ, наряду съ чисто церковной, очень сильна та же римская, имперская идея, которую сейчасъ одержимъ фашизмъ: Римская Церковь смотритъ на себя, какъ на преемницу римскихъ императоровъ, и въ ней — какъ это ни звучитъ парадоксально — мы видимъ со-существованіе двухъ началъ: начала Христа, церковнаго, и начала земаго, кесарева — антихристовъ (вспомнимъ Достоевскаго въ его «Великомъ Инквизиторѣ»). Это второе начало и есть какъ разъ то, что оказалось у католицизма общаго съ фашизмомъ и на чемъ они и сблизились и сошлись. Это обстоятельство позволяетъ нѣкоторымъ писателямъ утверждать, что «фашизмъ есть ничто иное, какъ политическій католицизмъ, а католицизмъ — ничто иное, какъ религіозный фашизмъ» (см. Louis Roy, «Histoire de Mussolini»).

Но такъ какъ на практикѣ всѣ эти различія,

часто другъ друга исключаютъ, тенденціи неотдѣлимые, то получается взаимное проникновеніе и борьба противоположныхъ началъ, — что побѣдитъ: духъ ли христіанской Церкви съ ея нравственностью, основанной на Евангеліи, или тотъ духъ дарвинскаго натурализма, который свою основу видитъ въ борьбѣ за существованіе, въ томъ, что выживаетъ сильнѣйшій.

Результатъ можетъ быть двоякимъ: или христіанизация фашизма, вслѣдствіе чего отпадетъ сторона его, родственная по своей психологіи коммунизму, и фашизмъ сможетъ явиться тогда дѣйствительно факторомъ духовнаго возрожденія Европы, — или «фашизация» католицизма, что отнюдь не является столь невозможнымъ, какъ то можетъ на первый взглядъ показаться.

«Трудно предположить», говоритъ по этому поводу Людовикъ Нодо, «чтобы высшіе служители культа, призваннаго проповѣдывать милосердіе, кротость и братство, происходя въ большинствѣ своемъ изъ среды народа, жизнь и дѣятельность котораго вся построена согласно самому безпощадному дарвинскому закону борьбы за существованіе — не оказались бы сами зараженными этимъ духомъ. Если завоевательныя формулы итальянскаго фашизма достигнутъ какихъ-либо конкретныхъ результатовъ, то это безусловно послужитъ къ умаленію того господства духовнаго начала («La Primauté du Spirituel»), на которомъ въ теченіе вѣковъ зиждется авторитетъ Рима».

Такимъ образомъ вопросъ фашизма оказывается тѣсно переплетеннымъ съ вопросомъ католицизма, и итальянская проблема изъ проблемы мѣстной и узко-національной становится мировой.

Г. Сергѣевъ.

Русскія мысли на испанскія темы

Весьма любопытно, что испанская республика была болѣе, чѣмъ холодно встрѣчена именно во Франціи, которую она, между тѣмъ, какъ разъ пытается копировать. За исключеніемъ крайнихъ «лѣвыхъ» газетъ вся французская печать сразу заняла до враждебности скептическую позицію по отношенію къ новорожденной республикѣ. Французская демократія стала вообще съ большою подозрительностью относиться къ демократическимъ революціямъ. Опытъ нашей февральской революціи дорого обошелся Франціи. Французы сомнѣваются въ томъ, что республиканская власть сумеетъ справиться съ назрѣвшими въ Испаніи вопросами. Какъ только ушелъ Альфонсъ XIII, во Франціи возникла тревога. Пиреней стали ненадежны. Марокканскія дѣла опять становятся источникомъ заботъ. Выходитъ, что съ уходомъ короля исчезъ залогъ спокойствія и мирнаго житія. Тревога республиканской Франціи есть разительное доказательство не только преуменьствія монархій надъ республикой, но и признанія этихъ преимуществъ современной демократіей.

Новой республикѣ вообще не повезло съ самыми ея первыми шагами. Матѣйшая трудность при ея учредительныхъ усиліяхъ и противники ея сразу со злорадствомъ подмѣчаютъ ея несостоятельность и неудачливость. Если, наоборотъ, ея дебютъ на политическомъ сценѣ будетъ (паче чаянія) протекать гладко и мирно, ея противники воспользуются и этимъ. Значитъ, скажутъ они, ничего не измѣнилось. Значитъ всѣ недочеты монархій унаследованы молодой республикой, значитъ всѣ осужденія, вызвавшія pronunciamiento Primo de Rivera въ 1923 году и сравнившія монархію въ 1931 году остаются неустранимыми. Значитъ возможны

и даже вѣроятны новыя авантюры генераловъ (на этотъ разъ республиканскихъ). Трудно бѣдной испанской республикѣ снискать довѣріе и уваженіе европейскаго общественнаго мнѣнія: куда ни кинь — все клинъ.

***

Для монархической пропаганды испанскія событія открываютъ громадныя горизонты. Все происшедшее и происходящее въ Испаніи даетъ такое оружіе въ руки современнымъ монархистамъ, что остается лишь заподозрить бѣднаго романтика Алкала Замора въ провокаціонной работѣ на пользу монархической идеи. Первое, что бросается въ глаза это самый фактъ возникновенія республики именно въ моментъ національнаго упадка. Одряхлѣвшая монархія, лишенная человѣческой бззы, не находитъ себѣ опоры среди монархистовъ. Король, талантливый и смѣлый, тщетно ищетъ людей, которыхъ нація, страдающая склерозомъ, способна выдвинуть. Трагедія короля усложняется кризисомъ династіи, физическіи ушербленной самой утонченностью ея породы. Монархія уже не по плечу вырождающейся націи. Ее смѣняетъ республика. На мѣсто неосуществимыхъ идеаловъ приходитъ убожество республики, съ ея бездарностью, мелочностью, анонимностью, безответственностью.

Испанская революція ничего не разрушаетъ и наоборотъ все усложняетъ до крайности. Она обнаруживаетъ несостоятельность старой Испаніи. Сама она лишь звено въ цѣпи. Переворотъ 14-го апрѣля ведетъ къ дальнѣйшимъ переворотамъ. Революціонный процессъ не кончился съ самоустраненіемъ монархія, а какъ разъ наоборотъ начался съ него. Драма апрѣльской революціи въ томъ, что